

Можно утверждать, что А.А. Зиновьев является одним из наиболее значительных и, в то же время, самобытных политических мыслителей России не только в XX – начале XXI вв., но и на всем протяжении ее истории. С этой точкой зрения соглашаются многие авторитетные отечественные и зарубежные исследователи, государственные деятели, ведущие функционеры политических партий и общественных организаций. Как отмечает российский политолог И.М. Ильинский, «Зиновьев создал свою собственную социологическую концепцию и утверждал, что современный мир не может быть объяснен и понят в существующих категориях, понятиях и терминах, что это можно сделать лишь в том случае, если использовать его, зиновьевский понятийный аппарат» [8, с. 5].

В условиях современной ситуации в российском обществе критический пафос Зиновьева, которым пронизаны его работы, по утверждению С.Н. Бабурина, является констатацией фактов, необходимой для понимания происходящих социальных процессов и для подлинного решения стоящих перед российским государством и обществом политических и социальных проблем [1, с. 32]. Важно и то, что для Зиновьева всегда было характерно стремление понять проблему, не оглядываясь на тенденциозную критику.

А. Зиновьев, как отмечает Ю.Ю. Болдырев, прекрасно знал и понимал социальную систему, сложившуюся в странах Запада, относился к ней с уважением и, даже, с определенной долей симпатии, но, при этом, он всегда рассматривал Запад как естественного противника России, заинтересованного в ее ослаблении, если не сказать больше, в разрушении [2, с. 27].

Уникальность политической концепции А. Зиновьева в том, что в ней дан анализ трех основных моделей общественного устройства, в той или иной степени оказавших крайне существенное влияние на социально-политическую жизнь российского общества в XX – начале XXI вв. – коммунистической, капиталистической (западнистской) и постсоветской.

А. Зиновьев отмечает, что, несмотря на западное происхождение коммунизма как политической философии и идеологии, коммунистическое общество впервые возникло в России, к чему, разумеется, вели свои определенные предпосылки. Исходя из марксистской теории, объяснить почему коммунистическое общество возникло именно в России, в условиях краха Российской империи, не представлялось возможным. Видимо, коммунистические отношения существовали в российском обществе и прежде; «Коммунистическое общество в России, – пишет А. Зиновьев, – возникло не в качестве случайного исключения из общих законов эволюции общества, а в удивительном соответствии с ними» [5, с. 124]. Поэтому революцию можно рассматривать лишь в качестве события, непосредственно воплотившего в жизнь предпосылки коммунистического общества, складывавшиеся в России на протяжении столетий ее истории.

Осознание природы Октябрьской революции возможно лишь посредством осознания того общественного строя, который сложился в России в результате ее победы, при этом знание хода событий и даже всех причин, приведших к победе революции, не могут дать о ней исчерпывающего представления. Поэтому на первое место выходит анализ социальных отношений, восторжествовавших после революции, и «бытовые аспекты», в этом ключе, играют гораздо большую роль, чем все бурные события, сопутствовавшие кардинальному перевороту в политической жизни российского государства.

Как отмечает А. Зиновьев, произошло чрезвычайное расширение самой сферы власти и ее полномочий, численность бюрократического аппарата увеличилась во много раз по сравнению с дореволюционным периодом. Декларируемой передачи всей полноты власти трудящимся массам, организованным в Советы и направляе-

27

мым коммунистической партией, на практике не произошло. В Советском Союзе, в особенности после установления культа личности Сталина, бюрократический аппарат превратился в правящий слой, диктующий свои идеологические установки и модели поведения.

Подчеркнем, что помимо вопроса о сущности русской революции, основополагающим для А. Зиновьева, как, впрочем, и для многих других левых критиков советской системы, стало изучение проблемы диктатуры пролетариата и положения пролетариата в советском государстве. И здесь следует отметить специфику взгляда философа на данную проблему. В частности, и троцкизм, и левый коммунизм, и социалистические направления анархизма признавали, что рабочий класс находится в Советском Союзе в угнетенном положении или же имеет недостаточный доступ к власти и материальным ресурсам, но ни одно из этих направлений левой политической мысли не ставило под сомнение сам факт существования рабочего класса в советском обществе.

В то же время, А. Зиновьев пришел к выводу, что, поскольку в коммунистическом обществе пролетариат исчезает как класс, термин «диктатура пролетариата», используемый официальной советской идеологией, абсурден. Рабочие, как отмечает философ, представляют собой, в первую очередь, членов определенных деловых коллективов. Однако данные коллективы, во-первых, неоднородны в силу того, что состоят из представителей разных социальных групп, а во-вторых, не объединяются в единое целое сами по себе. Объединение же этих коллективов может функционировать только как система власти и управления, представители которой уже не являются рабочими [5, с. 128].

Размышления над природой советского государства натолкнули А. Зиновьева на мысль о необходимости борьбы с существующим строем. Отметим, что во второй половине 1930-х – 1940-х гг. существование нелегальных молодежных кружков левокоммунистической направленности было, несмотря на общую атмосферу страха, господствовавшую в стране,

достаточно распространенным явлением. Как отмечают исследователи, создание подобных организаций «было неизбежным следствием и характерным признаком одного из внутренних противоречий тоталитарного строя» [10].

Первоначально антисталинизм А. Зиновьева, основывавшийся на понимании того тяжелого положения, в котором оказалось советское общество, основывался исключительно на критике самого диктатора и созданной им системы. Однако, постепенно, под влиянием анализа советского социума, а также исторических событий, в которых А. Зиновьеву довелось участвовать, в частности, Великой Отечественной войны, философ от персонификации сталинизма в лице И.В.Сталина и его ближайшего окружения «вождей партии и государства» перешел к критике сталинизма как социально-политического феномена, связанного даже не столько с самой фигурой Сталина, сколько с той моделью общественного устройства, которая утвердилась в России после Октябрьской революции.

А. Зиновьев, пытаясь преодолеть существующие расхождения по вопросу о трактовке понятия «сталинизм», представляет свое собственное его определение, подразумевая под сталинизмом определенную историческую эпоху, во время которой, усилиями лично Сталина, его окружения и его последователей в коммунистической партии и государственном аппарате, в стране создавалось коммунистическое общество, формирующееся в результате субъективного переложения тех объективных закономерностей и предпосылок к его появлению, которые присутствовали уже в дореволюционной России [5, с. 252].

После официальной десталинизации советского общества и, в особенности, после распада советской системы как таковой, отношение к репрессивной политике государства, к деятельности карательных органов и связанному с ними доносительству наполнилось чисто негативным содержанием, лишенным, как отмечает А. Зиновьев, строгого научного анализа.

А. Зиновьев оказывается одним из немногих мыслителей, способных выступить с критикой подобных утверждений, руководствуясь не стремлением произвести историческую реабилитацию сталинизма как политической системы, а целями наиболее полного научного исследования сталинизма.

Как известно, прежде чем получить известность в качестве политического философа, А.А.Зиновьев продолжительное время занимался вопросами логики, опубликовав целый ряд научных работ по данной дисциплине. Впоследствии опыт

28

изучения логики был применен философом к исследованию социальных феноменов, в результате чего им была предложена концепция логической социологии. Рассматривая социальные объекты, под которыми подразумевались социальные феномены и явления как объединения людей, А. Зиновьев стремился проанализировать специфику функционирования этих объединений посредством применения к социальным наукам методов логической социологии.

Для решения этой задачи, от исследователя, по мнению А. Зиновьева, требуется, в первую очередь, следовать принципу субъективной беспристрастности, то есть рассматривать природу явлений, стремиться вникнуть в их суть, вне зависимости от личных симпатий или антипатий, которые исследователь может питать в данном вопросе.

Можно отметить, что, разделяя нарративный и научный историзм, т.е. стремление к выяснению и описанию происходивших фактов, с одной стороны, и использование социологических концепций для объяснения исторического процесса, А. Зиновьев все же склоняется к последней точке зрения, будучи убежденным в том, что лишь действенный социологический анализ даст наиболее полное и беспристрастное представление о реальной природе тех или иных социальных феноменов прошлого и настоящего [6, с. 38].

Для объяснения социально-политических явлений в логической социологии А. Зиновьева используется оригинальный категориальный аппарат. Поэтому рассмотрим основные понятия, используемые философом в своих работах, посвященных социальным феноменам.

В первую очередь, отметим, что, говоря о социальных объектах, А. Зиновьев выделяет два подхода в понимании их природы – как на множества, объединяемого определенными общими признаками и обладающего, соответственно, общими качествами, и как индивидуальности, природа которых оригинальна и не имеет аналогов [7, с. 61-62].

А. Зиновьев подчеркивает ошибочность подхода, господствующего во многих современных исследованиях, посвященных социальным проблемам. Отношение к сталинизму здесь может выступать в качестве наилучшего примера, поскольку сегодня практически на официальном уровне проводятся параллели между сталинским режимом и нацизмом А.Гитлера, совершенно разные по внутреннему содержанию, хотя, возможно, и сходные в некоторых проявлениях диктаторские режимы в самых разных странах мира объединяются неким общим понятием «тоталитаризм», которое фактически игнорирует региональные, национальные и временные особенности [7, с. 62]. А. Зиновьев же, подчеркивая, что поиск общих свойств социальных объектов является одним из важнейших элементов в их познании, утверждает, что все же исследователю социальных процессов чаще всего приходится работать с индивидуальностями, с неповторимыми социальными объектами.

Поскольку логическая социология А. Зиновьева имеет в качестве основного объекта исследования человеческие объединения, мы можем выделить в качестве центрального понятия его политической концепции концепт «общество», которое определяется философом как «скопление более или менее большого числа людей, объединенных в некоторое относительно замкнутое целое. Оно достаточно долго сохраняется в этой целостности и замкнутости, воспроизводится в самых существенных чертах деятельности своих членов» [6, с. 39].

В то же время, как отмечает С.В. Костов, поскольку понятие «общество» в обыденной речи, да и в научных исследованиях, употребляется в самых разных контекстах и наделяется различным смыслом, необходима его

экспликация [9]. Как мы можем видеть, А. Зиновьев эту экспликацию осуществляет, выделяя из множеств социальных объединений сообщества, называемые им «человеяниками», и характеризующиеся как «объединения людей, обладающие следующим комплексом признаков». Философ проводит параллели между человеческими сообществами и сообществами животных, о чем свидетельствует и сам термин «человеяник», построенный по аналогии с муравейником. Это позволяет, как отмечает А.А. Гусейнов, охарактеризовать социологическую концепцию А. Зиновьева и как, своего рода, социозоологию, поскольку стада и стаи животных предшествуют человеяникам [4, с. 22].

Человеяник обладает определенной территорией, внутренней самоидентифи-

29

кацией, производит средства к существованию и обеспечивает свою безопасность от посягательств других сообществ, рассматриваемых в качестве «чужаков» [4, с. 22]. «Члены человеяника живут совместно исторической жизнью, т.е. из поколения в поколение, воспроизводя себе подобных людей. Они живут как единое целое, вступая в регулярные связи с другими членами человеяника» [7, с. 107]. Эти связи, как отмечает А. Зиновьев, основываются на экзистенциальном эгоизме, побуждающем индивидов действовать для сохранения и укрепления своей социальной позиции, в то же время стремясь к согласованию индивидуальных эгоистических побуждений с определенными нормами, по которым существует человеческое сообщество.

Можно сделать вывод о том, что концепция человеяника, разработанная А. Зиновьевым, является логическим продолжением той линии, начало которой задолго до него положили мыслители эпохи Возрождения и Нового времени, в первую очередь Н. Макиавелли и Т. Гоббс. Это отмечает и ряд исследователей. Если в обществе господствует рациональный расчет, основанный на экзистенциальном эгоизме, то законы, по которым функционирует политическая жизнь общества, не могут в корне отличаться от более общих социальных законов.

Наоборот, в сфере политики социальные законы проявляются наиболее отчетливо, рациональный расчет там куда более явен. В этой связи можно сделать вывод о том, что целью политики становится захват и удержание власти, при этом наиболее искусные политические деятели способны реализовать эту цель с наименьшими затратами, с наибольшей экономией тех средств, которые используются в завоевании и сохранении господствующих позиций в обществе. Однако в процессе политической деятельности сильнее, чем в других сферах, работают законы естественного отбора по принципу «выживает сильнейший» (хитрейший, с наиболее развитой системой связей).

Мы можем согласиться с исследователями, отмечающими, что начавшийся в юности конфликт между коммунистическими идеалами А. Зиновьева и советской реальностью, которая им соответствовала в самой малой степени, продолжался на протяжении всей жизни философа [3, с. 75]. Нельзя сказать, что расхождение теории и практики в советском обществе А. Зиновьев заметил первым, поскольку с самых первых лет нахождения

коммунистической партии у власти не прекращалась ее критика с левых позиций, осуществляемая не только противниками партии извне, но и оппонентами ее руководства внутри самой партии. Достаточно упомянуть линию «рабочей оппозиции», более позднюю критику советского строя Л.Д. Троцким и его последователями.

Однако, среди многочисленных критиков советской системы «слева», А.А. Зиновьев занимает совершенно особое место. Значимость разработанной им политической концепции не только в ее оригинальности и правоте многих сделанных выводов, но и в том, что А. Зиновьев стремился подвести под нее философскую базу, вывести некие общие законы, позволявшие бы не только критиковать советскую систему, но и обосновать, почему развитие страны пошло именно по такому сценарию.

1. Бабурин, С.Н. Зиновьев сегодня [Текст] / С.Н. Бабурин// Зиновьевские чтения. Материалы I Международной научной конференции / под ред. О.М. Зиновьевой, В.А. Лукова. – М., 2007.
2. Болдырев, Ю.Ю. Суверенная личность и любовь к отечеству [Текст] / Ю.Ю. Болдырев // Зиновьевские чтения. Материалы I Международной научной конференции / под ред. О.М.Зиновьевой, В.А.Лукова. – М., 2007.
3. Большаков, В.В. Что такое истинный коммунист [Текст] / В.В. Большаков// Зиновьевские чтения. Материалы I Международной научной конференции / под ред. О.М.Зиновьевой, В.А.Лукова. – М., 2007.
4. Гусейнов, А.А. Об Александре Зиновьеве и его социологии [Текст] / А.А. Гусейнов // Зиновьев, А.А. На пути к сверхобществу. – М.: Центрполиграф, 2000.
5. Зиновьев, А.А. Исповедь отщепенца [Текст] /А.А. Зиновьев. – М., 2005.
6. Зиновьев, А.А. Коммунизм как реальность [Текст] / А.А. Зиновьев. – М., 1994.
7. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу [Текст] / А.А. Зиновьев. – СПб., 2004.
8. Ильинский, И.М. Вступительное слово [Текст] / И.М. Ильинский// Зиновьевские чтения. Материалы I Международной научной конференции / под ред. О.М. Зиновьевой, В.А. Лукова. М., 2007.
9. Костов, С.В. Социологическое направление в отечественной социоистории [Электронный ресурс] / С.В. Костов. – Режим доступа: http://www.kostov.ru/History_in_Russian.htm
10. Печуро, С. Дело джалал-абадских школьников. К истории молодежных антисталинских организаций [Текст] / С. Печуро, В. Булгаков // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991.